

**РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА****SECTION I. HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF
HUMAN CAPITAL****УТВЕРЖДЕНИЕ РОССИИ НА КАВКАЗЕ В XIX ВЕКЕ**

DOI: 10.25629/НС.2021.07.01

Бочарников И.В.

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

Аннотация. В статье описываются политические процессы, связанные с утверждением России на Кавказе. Присоединение Восточной Грузии (Картли и Кахетии) явилось кульминационным моментом в кавказской политике России. Данное событие осложнило отношения России как с региональными державами того времени – Ираном и Турцией, владениями которых являлась Грузия и все Закавказье, так и с горцами Северного Кавказа, для которых Грузия являлась традиционным объектом набегов. Это привело к двум русско-турецким и двум русско-персидским войнам, а также самой продолжительной в истории России войны – Кавказской. По итогам войн с Турцией и Ираном в состав России вошли территории Восточной и Западной Грузии, азербайджанских ханств, а также Восточной Армении. Утверждение позиций России на Кавказе приняло характер государственной политики. Раскрывается деятельность высших должностных лиц Российской империи уполномоченных реализовывать государственную политику в регионе. Наиболее целенаправленно этот процесс происходил в период наместничества на Кавказе генерала А.П. Ермолова. Именно в период его командования Кавказским корпусом политика России в регионе приобретает качественно новое содержание, намечается дальнейшая перспектива в развитии российско-кавказских отношений. Анализируются основные направления развития военной организации России на Кавказе, а также становления и развития Кавказского казачества как основной силы обеспечения безопасности русских поселений в регионе и развития русско-кавказских отношений.

Ключевые слова: Кавказ, кавказская политика, военно-политическая экспансия, отношения России с кавказскими народами, Кавказский корпус, А.П. Ермолов, утверждение России на Кавказе.

Введение

С началом XIX века Кавказская политика России обретает качественно новое содержание, обусловленное, с одной стороны, необходимостью обеспечения безопасности от внешних угроз со стороны Ирана и Турции, стремившихся восстановить свое доминирующее положение в регионе, с другой, – обострением отношений с горцами Северного Кавказа.

Поворотным этапом в политике России в регионе стало присоединение Восточной Грузии (Картли и Кахетии), явившееся для нее необходимым условием сохранения самобытности. Для России же следствием присоединения Грузии, стала, прежде всего, Кавказская война с горцами Северного Кавказа, а также многочисленные антироссийские вооруженные выступления в самой Грузии.

Следует отметить, что к Российской империи была присоединена далеко не самая стабильная в политическом отношении провинция Закавказья. Напротив, именно в Картли, наиболее развитой в политическом отношении и являвшейся своего рода центром Закавказья, централизованной власти не было, шла жесточайшая борьба между различными претендентами на пре-

стол и партиями феодалов, их поддерживающих. Междоусобицы приносили больше опустошений, чем нашествия горцев. Россия была вынуждена взять на себя решение данной проблемы. Целью русского правительства стало, таким образом, примирение противоборствующих сторон, обеспечение безопасности грузинского населения от вооруженных формирований претендентов. На практике был реализован так называемый принцип «*Rax Russia*» (по аналогии с принципом «*Rax Romania*», означавшим прекращение всех междоусобиц после римского завоевания).

Обсуждение

Уникальность ситуации заключалась в том, что с присоединением Грузии Россия не имела с этой, уже своей, провинцией общей границы. Две важнейшие коммуникации, соединявшие Россию с Картли-Кахетией – морской путь от Астрахани по Каспийскому морю, а затем по реке Кура и сухопутный через Дарьяльское ущелье и Крестовый перевал – требовали своей охраны. Второй путь, получивший название Военно-грузинской дороги, еще и обустройства в инженерном, и в собственно военно-политическом отношении.

С этой целью на всем протяжении Военно-грузинской дороги был оборудован комплекс сторожевых постов и крепостей, выполнявших функции регулирования, охраны и обеспечения безопасности передвижения грузов, воинских контингентов и частных лиц. Особое место в этом плане заняла крепость Владикавказ (1784 год), заложенная у входа в Дарьяльское ущелье. Повысилось значение и самой Кавказской линии, превратившейся в сеть опорных пунктов российских войск на Кавказе, обеспечивавших контроль не только мобильных северокавказских военизированных формирований, но и развития военно-политической обстановки в Закавказье, в Иране и Турецкой Анатолии. В последующем, с усилением воинских контингентов в Грузии и образованием Кавказского наместничества, эти ее функции были переданы Кавказскому корпусу и его главнокомандующему, штаб-квартира которого находилась в Тифлисе (Тбилиси).

С присоединением Грузии Северо-Кавказский регион лишь формально являлся частью Российской империи (в силу заключенных ранее, в XVIII веке, договоров с феодальными владетелями и старшинами горских народов). В то же время он был также формально подвластным Ирану и Турции. Фактически же Северный Кавказ был независим и представлял собой государственные и этнотерриториальные образования, неподконтрольные никакой власти, в том числе и внутренней.

В силу этого, Северный Кавказ в этот период стал представлять комплекс своеобразных анклавов с неопределенными по отношению к России обязательствами и в то же время наличием реальных источников военных конфликтов, выражавшихся в вооруженных нападениях на приграничные районы Российского государства, станицы и укрепления ее Кавказской оборонительной линии. Поэтому российское правительство вынуждено было сосредоточить свои усилия на привлечении правителей региона к принятию ими подданства Российской империи и вовлечение их в процессы колонизации Кавказа.

В сентябре 1802 года русской администрации удалось собрать почти всех владельцев Северо-Восточного Кавказа или их посланцев на съезд в Георгиевск [28]. В результате переговоров 26 декабря 1802 года был подписан, так называемый Георгиевский договор, в котором говорилось, что подписавшие его принимают в «подданство и покровительство России ... по собственным их просьбам» [37, 210-213].

Характеризуя территориальную экспансию Российского государства на Северный Кавказ на рубеже XVIII – XIX веков, следует отметить, что процессы присоединения северокавказских владений к России носили преимущественно добровольный и договорный характер.

Это определялось принципом «собирания земель», заложенного в основу государственного строительства, определившего специфику формирования российской государственности. На протяжении столетий Россия формировалась как многонациональное и поликонфессиональное государственное образование. Со временем национальные, этнические и конфессиональ-

ные рамки были расширены, и, в конечном итоге, государственность России обрела наднациональный характер. В этом плане уместно говорить и о так называемом «цивилизационном феномене России», важнейшей чертой которого является дух равноправия всех народов, их равноценности, способности вырабатывать и утверждать свой самобытный путь развития. И.А. Ильин, виднейший российский государствовед XX столетия, данную тенденцию применительно к сфере межнациональных отношений отметил следующим образом: «Сколько молодых племен Россия получила в истории, столько она и соблюла» [17, 257].

В целом можно констатировать, что политика России на Кавказе, равно как и в других регионах, носила не завоевательский, а в значительной мере интеграционный характер, основанный на добровольном вхождении различных территорий в ее состав. Об этом в полной мере свидетельствуют документы, представленные в архивных сборниках русско-дагестанских отношений, отношений России с Кабардой, Осетией и другие исторические материалы. Если уж говорить о военно-силовой составляющей данной политики, то справедливо будет отметить, что Россия не завоевывала Кавказ, а отвоевывала право на него у других региональных держав – Ирана и Турции, поскольку регион являл собой владения этих двух государств.

Период добровольного вхождения народов Северного Кавказа и их государственных образований в состав России продолжался вплоть до Гюлистанского договора (1813 года) с Ираном и Андрианопольского (1828 года) [37, 208] – с Турцией, подписав которые Иран и Турция окончательно признавали присоединение Дагестана и Черноморского побережья Кавказа к России.

Аналогичным образом в состав России вошло и Закавказье. Так, свои права на Грузию, Армению и Азербайджан Россия отстаивала в двух войнах с Персией (1804 – 1813 и 1826 – 1828 годов) и двух с Турцией (1806 – 1812 и 1828 – 1829 годов). К 1813 году, после вхождения в состав России Грузии и Азербайджана, присоединения территории Восточной Армении, практически весь Кавказ оказался под властью России. Турция и Иран отказались от своих притязаний на регион.

Обращает на себя внимание тот факт, что если вхождение в состав России Армении, а точнее ее восточной части, произошло без каких-либо осложнений и эксцессов, то присоединение восточной части Грузии, сопровождалось подавлением сопротивления части грузинских феодалов.

Само вхождение Грузии в состав России растянулось практически на 60 лет, ее территории в виде отдельных царств и княжеств присоединялись в разное время и при различных обстоятельствах. Точно таким же образом, одновременно и при различных обстоятельствах, в состав Российской империи входили и азербайджанские ханства. Роль России, таким образом, заключалась в интеграции самих этносов в единое социально-политическое пространство.

Процесс добровольного вхождения в состав России кавказских народов с течением времени все более трансформировался в устойчивую тенденцию интеграции их в единое российское пространство, в котором происходила также и их собственная интеграция. Более того, данная интеграция фактически стимулировала их этногенез и формирование этнического самосознания

В соответствии с характером аннексии строились и взаимоотношения России с народами Северного Кавказа, которые на данном этапе «не сопровождалось еще установлением у них царского административного аппарата». По существу, такой аппарат и не мог быть создан из-за отсутствия у России для реализации этих целей сил, средств, а также достаточной экономической базы. Поэтому власть по-прежнему оставалась у местных кавказских феодалов. Царское правительство со времен Екатерины II пыталось не завоевывать, а привлекать правителей региона на свою сторону, для этого «...употреблять всевозможные средства привлекать к нам различных владельцев ... возбуждая в одних любочестие к желанию быть удостоенным от руки нашей, а другим, – внушая, какое обогащение, пользы и выгоды последовать могут им и поданным их от спокойного владения и от торговли с россиянами» [8, 286]. С этой целью им после принятия подданства Российской империи присваивались, как правило, генеральские

чины, назначалось жалованье, гарантировалось наследственное владение их ханствами. Шамхал Тарковский, например, после принятия подданства России в 1793 году был произведен в тайные советники с назначением жалованья в 6 тысяч рублей в год на содержание войска, а в 1799 году он был возведен в чин генерал-лейтенанта [27, 16], аварский хан имел чин генерал-майора и даже кадий табасаранский, лицо духовное по своей сути, тем не менее, имел чин полковника Русской армии [9]. Таким образом, правители региона как бы состояли на службе у российского императора, и в то же время они были суверенными в управлении своими владениями. Единственным условием сохранения власти для них являлась лояльность Российской империи и неучастие в войнах против нее. Во многом подобной политике способствовало также и нежелание самих государственных деятелей России основательно и глубоко втягиваться в политические процессы на Кавказе, осознавая их сложность и неопределенность, а также недостаток ресурсов Российского государства для длительной и активной военной политики в регионе.

Перелом в политике России на Кавказе произошел лишь после наполеоновских войн 1805 – 1814 годов. Многие исследователи кавказской политики России связывают изменение официального курса Российского государства в регионе с назначением на Кавказ генерала А.П. Ермолова. На самом же деле это, по-видимому, лишь частично отражает реальные политические процессы на Кавказе в начале XIX века и являет собой упрощенную трактовку событий, подменяющую причину и следствие в данном случае кавказской политики России. Не генерал А.П. Ермолов изменил политику России на Северном Кавказе, а изменившееся видение целей и задач российской политики в регионе руководством страны востребовало феномен А.П. Ермолова. Александр I свою позицию, например, по данному вопросу озвучил словами: «Стоять на Кавказе твердо» [19].

Реализации этой программы более всего соответствовал генерал А.П. Ермолов – наиболее авторитетный в Русской армии военачальник, блестяще проявивший свои военно-административные качества в Отечественной войне 1812 года и в целом в антинаполеоновских кампаниях, в том числе под Аустерлицем (1805 год), Прейсиш-Эйлау (1807 год), Кульмом и Лейпцигом (1813 год), и особенно при взятии Парижа в 1814 году. Поэтому, невзирая на близость его к либеральным кругам офицерского корпуса, а также репутацию мятежного генерала, он все же был назначен Главнокомандующим Грузинским корпусом. В соответствии с вышеназванной программой Александра I и строилась в последующем вся кавказская политика. В этой программе Россия по существу продекларировала свою геополитическую экспансию в регион.

Проблемы, цели и задачи новой политики России в регионе требовали перестройки ее политико-административной деятельности.

Во-первых, предполагался переход от не прямой формы администрации (посредством местных владетелей) к непосредственному подчинению власти наместника. Это должно было в последующем способствовать более основательной колонизации региона. Вместе с тем сама колонизация была обусловлена необходимостью обеспечения безопасности русских поселений в регионе, а также возможностью свободных торгово-экономических отношений государства с сопредельными странами. Специфика отношений России с северокавказскими образованиями определялась тем, что договоры, подписанные от имени русского правительства с владетелями региона, носили зачастую условный и временный характер. Поэтому Российская империя не была гарантирована от того, что в случае очередной войны на Кавказском театре военных действий северокавказские феодалы не поддержат ее противников, прежде всего, Турцию или Иран.

Другим немаловажным обстоятельством, предопределившим направленность и содержание политики России на Кавказе в начале XIX века, а также способы и методы ее реализации, явился лично-субъективный фактор, заключающийся в ее персонифицировании. В силу этого, кавказская политика во многом зависела от личности главнокомандующего войсковой группировкой России в регионе, выступавшего одновременно и его главноуправляющим (наместником на Кавказе). Полномочия, которыми были наделены наместники в реализации политики России на Кавказе, были очень обширны. Более того, наместники на Кавказе был

практически автономен в принятии и реализации важнейших политических решений. В силу этого, в характере и содержании военной политики Российского государства на Кавказе в рассматриваемый период во многом нашли отражение их личное восприятие и понимание стоящих задач, а также непосредственно личностные качества наместников.

При всем спектре различий политико-административной и военной деятельности наместников на Кавказе, задач, стоящих перед ними, следует выделить три основных периода кавказской политики России.

Первый период, который образно можно очертить временными границами наместничества – от П.Д. Цицианова до Н.Ф. Ртищева (1802 – 1816 годы) – период установления отношений с государственными и иными политическими образованиями региона, с последующим вовлечением их в сферу российской политики и в конечном итоге – присоединением их к Российской империи.

При этом сохранялись традиционные для региона формы правления, сами правители становились вассальными российскому императору, но сохраняли абсолютную власть по отношению к своим подданным. Очевидно, что в данный период содержание политики на Кавказе определялось стремлением не потерять регион. С этой целью главным являлось сдерживание экспансии сопредельных государств и выполнение на Кавказе охранительных функций. Таким образом, подчинение кавказских владетелей России было относительным и весьма неустойчивым. Со стороны же военной администрации в данный период не предпринималось военно-силовых мер по утверждению своей власти на Кавказе. Более того, сама политика по отношению к различным военно-феодальным образованиям региона зачастую принимала оборонительный характер.

Второй период реализации политики России на Кавказе (1816 – 1859 годы), наиболее протяженный по времени и насыщенный событиями, связан непосредственно с силовым утверждением политико-административной власти России в регионе. Ее реализация связывается в основном с именами А.П. Ермолова и А.И. Барятинского. Тем не менее, это являлось общим стратегическим направлением политики России в регионе и, несмотря на разницу во времени, складывавшейся обстановки, личностных качеств командующих и подходов их к решению данных военно-политических задач, принципы кавказской политики, заложенные А.П. Ермоловым, реализовывались на всем протяжении данного периода. В конечном итоге лишь в период управления Кавказом А.И. Барятинским были достигнуты цели, определенные еще в начале века Александром I. Важнейшим, эпохальным событием этого периода является Кавказская война.

Третий период реализации политики России на Северном Кавказе (1859 – 1881 годы) связан с его практической колонизацией. В ходе данного этапа значительная часть горцев Северо-Западного Кавказа была подвергнута депортации. Показательно в этом плане то, что именно им, а не горцам Дагестана и Чечни пришлось вынести всю тяжесть депортации. Объясняется это тем, что сама депортация не преследовала цели репрессивного характера, она была обусловлена военно-стратегическими интересами России. Черноморское побережье являлось наиболее уязвимым местом в обороне Российской империи, тем более данная проблема обострилась в связи с запрещением России держать военный флот на Черном море по условиям Парижского мирного договора (1856 год). Внешнеполитическая же обстановка свидетельствовала о конфронтационных отношениях России с ведущими государствами мира и возможности нового вооруженного конфликта. Показательна в этом плане позиция Александра II, посетившего Кавказ в сентябре 1861 года и попросившего командующего войсками левого фланга Кавказской линии генерала Н.И. Евдокимова во время доклада последнего о пятилетнем плане покорения региона «ускорить войну, так как Западная Европа может вмешаться раньше». Таким образом, официальные круги Петербурга в начале 60-х годов жили в ожидании новой интервенции, и поэтому руководство страны не могло позволить себе оставить на наиболее уязвимом направлении вооруженную массу людей, в любое время готовых развернуть на побережье партизанскую войну против России.

Возвращаясь непосредственно к анализу деятельности представителей высшей администрации России на Кавказе, следует отметить, что важнейшей вехой российской политики на Кавказе на рубеже XVIII – XIX веков явилось наместничество в регионе князя П.Д. Цицианова. Несмотря на то, что основной упор генералом П.Д. Цициановым делался на южном приграничном направлении, тем не менее, на Северном Кавказе его деятельность характеризуется жесткой позицией в вопросах предотвращения набегов горцев Северного Кавказа на Грузию.

Основным же достижением деятельности П.Д. Цицианова явилось сооружение под его непосредственным руководством Военно-грузинской дороги и ряда крепостей на ее протяжении, а также восстановление такой значительной крепости, как Владикавказ, символическое название которой уже как бы предопределяло последующую политику России в регионе. В начале 1803 года П.Д. Цицианов направил Александру I проект строительства Военно-грузинской дороги, названный им в честь императора «проектом Александра пути». На протяжении всей дороги, от Кавказской линии (т.е. от Моздока) и до Грузии, П.Д. Цицианов предлагал построить военные форпосты. Особое место он отводил восстановлению Владикавказа. Эта крепость, по мысли П.Д. Цицианова, могла стать главным пунктом, позволявшим контролировать не только Военно-грузинскую дорогу, но и весь Центральный Кавказ. Практическое значение Военно-грузинской дороги заключалось в том, что она явила собой перпендикулярную составляющую Кавказских оборонительных линий.

Александр I рассмотрел и полностью одобрил проект П.Д. Цицианова [35], утверждены были также предложения наместника по укреплению Кавказской линии, на которой воздвигли Константиновский и Елизаветинский редуты. Тогда же, в конце 1803 года, кордонная часть Кавказской линии по «сухой границе» от Константиногорска разделилась: одна шла от Ессентукского редута до Кисловодского источника, где было построено укрепление Кисловодск, другая – от Кирклинского редута до Баталпашинской переправы на Кубани [18, 13].

Рассматриваемый период истории русско-кавказских отношений знаменателен и таким важнейшим событием, как совещание представителей горских народов, на котором большинство из них добровольно приняло подданство России.

Начавшаяся война с Персией в 1803 году и гибель самого П.Д. Цицианова в Баку не позволили в полной мере реализовать его замыслы по укреплению позиций России на Кавказе. Последующее развитие событий в полной мере подтвердило недостаточность сил и средств у России для проведения активной политики в регионе. Главные усилия в этот период были сосредоточены на отражении внешней угрозы со стороны Персии и Турции, а также сдерживании набегов феодалов региона, стремившихся использовать слабость России.

Военно-политическая обстановка в регионе еще более осложнилась в связи с началом войны с Турцией (1806 – 1812 годы) и нашествием Наполеона в Россию в 1812 году. Данные события заставили руководство России временно отказаться от активной кавказской политики. Поэтому наместничество на Кавказе маркиза Ф. Пауличио, генерала Н.Ф. Ртищева отличалось стремлением лишь сохранить и удержать за Российской империей завоеванные ранее позиции. Власть российской администрации на Северном Кавказе распространялась лишь на заселенные казачьи станицы и укрепления Кавказской линии, а также на отдельные участки Военно-грузинской дороги.

Таким образом, едва ли не сразу стало очевидным, что присоединение одной лишь провинции на Кавказе вызовет потребность присоединения других, сопредельных территорий, их защите, освоению и покорению. Сил же и средств для этого у России на тот момент не было.

Бессистемность в политике и отсутствие четких приоритетов деятельности русской администрации в регионе привели к тому, что отношения с кавказскими властителями стали носить характер бесконечных переговоров. При этом подписанные договоры носили зачастую условный и временный характер. В силу этого Российская империя не была гарантирована от того, что в случае очередной войны на Кавказском театре военных действий кавказские феодалы не поддержат ее противников. К этому следует добавить также то, что Россия во взаимоотношениях с ними являлась как бы данницей, выплачивая им жалование только за то, чтобы они не

совершали набеги на Грузию. Так в частности, по словам В.А. Потто, какое-то Анцуховское общество уже во времена Ермолова считало себя обиженным, не получая от России денег. Анцуховцы писали Ермолову, что обещают жить в мире с русскими только в таком случае, если будут получать дань, какую платили им грузинские цари [29].

Такое положение сколь угодно не могло продолжаться. Россия или должна была уйти с Кавказа, или же утвердиться в нем в качестве полноценной метрополии.

Победа над Наполеоном, утверждение России в качестве ведущей европейской державы предопределило стремление максимально укрепить российские позиции на Кавказе, который стал рассматриваться как важнейший военно-стратегический плацдарм ее восточной политики.

Активизация политики России на Кавказе явилась началом ее второго этапа. В его основе лежало стремление утвердить позиции России на Кавказе посредством военно-силового установления в регионе российской администрации.

Цели и задачи новой политики России в регионе требовали перестройки ее политико-административной деятельности. Прежде всего, предполагался переход от не прямой формы администрации (через местных владетелей) к непосредственному подчинению кавказских феодальных образований власти наместника.

На данном этапе развития кавказской военной политики России во многом определяющим стало «проконсульство» на Кавказе генерала А.П. Ермолова. Именно в период его командования Кавказским корпусом политика России в регионе приобретает качественно новое содержание, намечается дальнейшая перспектива в развитии российско-кавказских отношений.

Для решения этой задачи А.П. Ермолов был наделен Александром I практически неограниченными полномочиями. В их числе были такие, как принятие подданства Российской империи, ведение вопросов войны и мира, вплоть до объявления войны и начала военных действий, будь-то в Закавказье, на Северном Кавказе, или же против Персии и Турции и т.д. В руках наместника была сконцентрирована огромная власть – командира Отдельного Грузинского (с 1820 года – Кавказского) корпуса и главноуправляющего Грузией, ему подчинялись Каспийская флотилия, Черноморское казачье войско, Астраханская и Кавказская губернии. Общая численность всех войск, сосредоточенных у наместника, составляла более 60 тыс. человек. Генерал-лейтенант А.П. Ермолов, таким образом, получил власть над обширной территорией от Кубани до Волги и от степей Северного Кавказа до Эриванского ханства. На этой древней земле обитали десятки народов, многие из которых имели тысячелетнюю историю и традиции, отношения между ними были очень непростыми. Здесь был узел острых противоречий – национальных, религиозных, социальных и, наконец, межгосударственных, разрешать которые от имени императора предстояло наместнику. И он готов был их решать.

В сентябре 1816 года новый главнокомандующий был уже на границе Кавказской губернии, 6 октября – в г. Георгиевске, являвшемся в тот период центром управления Кавказским краем, а 10 октября 1816 года официально в ставке корпуса в г. Тифлисе вступил в должность.

Сразу же после этого Алексей Петрович чуть более месяца потратил на инспектирование войск Кавказского корпуса, а также провинций региона, находившихся в подданстве Российской империи.

Приоритетными в этот период в рамках подготовки к визиту в Персию для него были закавказские провинции. И уже 9 января 1817 года им был представлен рапорт императору, содержащий описание русско-персидской границы, ее отдельных наиболее уязвимых участков, а также возможные способы их охраны и обороны.

Обширность приграничных территорий, их незащищенность естественными преградами, недостаток войск, ненадежность закавказских правителей, готовых, по мнению А.П. Ермолова, отложиться при первом удобном случае, при первых успехах Персии или Турции определяли необходимость исправления границ. Этого можно было достигнуть, как считал главнокомандующий, не уступкой, а присоединением персидских провинций вплоть до левого берега реки Аракс. Наиболее же удобным способом обороны границ, по его мнению, может быть

только наступательная война, но только в том случае, если не будет совместных против России действий со стороны Персии и Турции.

Во время инспектирования российских территорий Закавказья большое внимание наместник уделял не только военно-стратегическим, но и административным вопросам. Свое впечатление от ознакомления с краем он изложил в письме к А.А. Закревскому: «Ханства, – писал А.П. Ермолов, – богатые дарами природы, но управляемые алчными азиатскими деспотами, могли служить особенно резким примером неурядицы закавказских дел» [29]. Под управлением же русской администрации ханства, как он считал, могли приносить России в десять раз больше доходов и выгод, чем при автономном управлении ханами [29].

Одной из причин этого А.П. Ермолов видел в том, что «мои предместники слабостию своею избаловали всех ханов ... до такой степени, что они себя ставят не менее султанов турецких и жестокости, которые и турки уже стыдятся делать, они думают по правам им позвоительными» [11, 78].

Речь шла, прежде всего, о правителях Карабаха и Шеки: Мехти-Кули-Хане и Измаил-хане. Владетель Карабаха, согласно запискам А.П. Ермолова, был чрезмерно доверчив «к окружающим его чиновникам, которые его обманывают, проводит время в распутстве, ничем более не занимаясь, как охотою с собаками или ястребами». Результатом этого стал полный упадок провинции, нищета населения, да и самого хана. «Любимцы, по словам Алексея Петровича, – расхилили собственно принадлежащее ему имущество до такой степени, что ему недостает средств к содержанию себя приличным образом. За несколько лет не представлено в казну ничтожной, платимой им, дани». Естественно, что такое положение, наместник не мог воспринимать безучастно.

Что касается, Измаил-хана, то до главнокомандующего еще в Тифлисе дошли жалобы его подданных на неправосудность и «в наказаниях не только не умеренного, но жестокого, кровавого». По прибытии в Шеки наместник был вынужден лично разбираться с жалобами на хана, но поскольку их было очень много, Алексей Петрович приказал российскому приставу, находившемуся в Шеки собрать всех, подвергнутых Измаил-ханом жестоким истязаниям, и поместить в его дворец, «пока не удовлетворит, по крайней мере, семейств их обеспечением их благосостояния».

Таким образом, А.П. Ермолов в ходе инспектирования провинций не только изучал состояние дел, но и принимал меры по введению «хотя бы подобия российского управления» в них. Помимо этого, он утверждал свою репутацию – репутацию наместника императора на Кавказе – сильного, властного, абсолютно бескорыстного человека, жесткого, а порой и жестокого правителя, которого при случае ничто не остановит. Время разговоров и уговоров для закавказских (а в последующем и северокавказских) правителей с прибытием А.П. Ермолова закончилось.

И именно это продемонстрировал в ходе встречи с правителем Ширвана Мустафою-ханом, который, по мнению Алексея Петровича, хотя и управлял ханством лучше других правителей, но отличался крайним высокомерием по отношению к русской администрации. К тому же А.П. Ермолову были известны его «связи с народами Дагестана, сильными, воинственными, никому доселе не покорствовавшими, думая тем устрашить русских и заставить уважать себя более прочих» [13]. Для наместника его связи не стали достаточным аргументом и более того на встречу с ним он прибыл в сопровождении только лишь пяти человек, в то время как свита Мустафы-хана составляла порядка пятисот. Алексей Петрович, тем самым продемонстрировал, кто есть кто на Кавказе. Он – генерал-лейтенант А.П. Ермолов – наместник императора, или по образному выражению брата Александра I Константина – проконсул Кавказа, а генерал-лейтенант Мустафа-хан, всего лишь правитель одного из закавказских ханств, да и то до того времени, пока руководство России это ему допускает.

По возвращению в декабре 1816 года в Тифлис, главнокомандующему предстояло решить ряд вопросов непосредственно в Грузии, в том числе связанные с упорядочиванием деятельности грузинской знати, мнение о которой у него также было крайне нелицеприятным. «Князь, – по словам А.П. Ермолова, – ничто иное есть, как в уменьшенном размере копия с царей

грузинских. Та же алчность к самовластию, та же жестокость в обращении с подданными» [11, 78]. Примечательная и другая его характеристика грузинской знати, изложенная в Записках об управлении Грузией: «Не погрешая можно сказать о князьях грузинских, что при ограниченных большей части их способностях, нет людей большего о себе внимания, более жадных к наградам без всяких заслуг, более неблагодарных» [13].

Критически оценивал главнокомандующий и качество русской администрации на Кавказе. В письме к М.С. Воронцову он отмечает: «Беспорядок во всем чрезвычайный. ... Мне надобно употребить чрезвычайную строгость, которая здесь не понравится ... Наши собственные чиновники, отдохнув от страха, который вселяла в них строгость славного князя Цицианова, пустились в грабительство и меня возненавидят; ибо также и я – жестокий разбойников гонитель» [11, 54].

Удручающее впечатление на А.П. Ермолова оказала также ситуация с дислокацией Грузинского корпуса. По словам Алексея Петровича «Обстоятельно вникал я в образ жизни войск... Нимало не удивляюсь чрезмерной их убыли. Если нашел я кое-где казармы, то сырые, тесные и грозящие падением; в коих можно только содержать людей за преступление; но и таковых немного, большею частою землянки, истинное гнездо всех болезней, опустошающих прекрасные здешние войска» [11, 55].

Таким образом, состояние дел в крае предполагало необходимость реализации комплексной программы. Поскольку же главной задачей в тот период была подготовка к посольству в Персию, то А.П. Ермолов не мог предпринимать каких-либо кардинальных мер в этом направлении. Только лишь после окончания посольства, в 1818 году им была представлена императору развернутая программа по переустройству военной и гражданской части управления Кавказом. Но уже в конце 1816 года он четко определил свою позицию по данному вопросу. Ее он изложил в письме к А.А. Закревскому: «До тех пор, как не узнают коротко правил моих и точного намерения сделать пользу здешнему краю, много будут недовольны и дойдут вопли до вас, но вы не бойтесь, все будет довольны впоследствии. Я страшусь ваших филантропических правил. Они хороши, но не здесь». Главным средством для приведения дел в порядок, по мнению главнокомандующего, должна стать «строгость, строгость и строгость». И это относилось не только к местным жителям, но и к непосредственным подчиненным А.П. Ермолова.

Первыми шагами в этом направлении наместника стали наложенный секвестр на имущество всех чиновников казенной экспедиции. В декабре 1816 года наместник распустил действующую с 1801 года в Тифлисе особую полицейскую канцелярию, посадив при этом трех чиновников «под караул» в здании полиции с тем, чтобы они привели в порядок архив, где за последние 12 лет накопилось 600 нерешенных дел. А 30 декабря 1816 года наместник утвердил Положение «О новом устройстве в Тифлисе Градской полиции и об учреждении Квартирной комиссии» [1]. Создание Квартирной комиссии было обусловлено необходимостью упорядочения системы воинских постов, которая раньше всей тяжестью ложилась только на бедных горожан. В соответствии с новым положением повинность по постою должны были определять члены Комиссии, избранные от всех обществ, имеющих дома в черте города. Дальнейшие преобразования административного управления краем пришлось отложить, поскольку зимой 1817 года все помыслы Алексея Петровича были направлены на подготовку к визиту в Персию.

Обстановка тем временем в сопредельных приграничных районах резко обострилась. Причиной этого стало сосредоточение персидских войск вблизи российских границ. Одновременно с этим в Восточной Анатолии в районе Эрзерума происходило сосредоточение турецких войск.

Все это свидетельствовало о большой вероятности координации действий Персии и Турции, в равной степени неудовлетворенных итогами их последних с Россией войнами и возможности начала новых военных действий одновременно на персидском и турецком направлениях. В этих условиях генерал А.П. Ермолов, совмещавший одновременно должности главнокомандующего и посла в Персию, не мог позволить себе оставить войска Грузинского корпуса. По мнению Алексея Петровича, с учетом особенностей восточного менталитета персы могли

под благовидным предлогом задержать его в Персии и в это же время начать во взаимодействии с Турцией новую войну с Россией.

Не без основания А.П. Ермолов полагал, что за всем этим стоит Великобритания, руководство Ост-Индийской компании которой имело чрезвычайное влияние на шаха и чиновников Персии. Это в Европе в тот период России и Великобритания были союзниками. В Закавказье же и в сопредельных на этом направлении государствах у России не было более непримиримого и опасного противника.

Тем не менее, несмотря на усилия англичан, антироссийский персидско-турецкий альянс не сложился. Ситуация разрешилась тогда, когда руководство Турции, узнав о намерении Трапезундского паши объявить о независимости, направило в Восточную Анатолию войска целью пресечения проявлений сепаратизма в Трапезундском пашалыке, а также в других провинциях региона.

Назначение в 1816 году наместником на Кавказе генерал-лейтенанта А.П. Ермолова действительно представляет собой этап коренного изменения военной политики России и на Северном Кавказе.

Исходя из анализа сложившейся военно-политической обстановки А.П. Ермоловым были выработаны основные принципы и направления военной политики России на Северном Кавказе, изложенные им в рапорте императору 12 февраля 1819 года: «Государь! Внешней войны опасаться не можно ... Внутренние беспокойства гораздо для нас опаснее! Горские народы примером независимости своей в самых подданных вашего императорского величества порождает дух мятежный и любовь к независимости. Теперь средствами малыми можно отвратить худые следствия; несколько позднее и умноженных будет недостаточно» [13]. На основании данного видения целей и задач военной политики России в регионе еще ранее, в 1818 году, А.П. Ермоловым была предложена Александру I программа действий, предполагавшая создание на Северном Кавказе расширенной сети оборонительных сооружений. Они должны были ограничивать свободное передвижение мобильных формирований горцев, направлявшихся для осуществления набегов в равнинные районы. В значительной мере именно на это и были направлены практические действия Ермолова по управлению Кавказским наместничеством.

Для пресечения и предотвращения антироссийских выступлений горцев Северного Кавказа наместник перешел от отдельных карательных экспедиций к планомерному продвижению вглубь Чечни и Горного Дагестана. Это решение предопределялось сложной и кризисной для России военно-политической обстановкой на Кавказе, обусловленной комплексом восстаний практически повсеместно во всем регионе, непрекращающимися набегами горцев на казачьи станицы и постоянными угрозами нападения на единственную транспортную артерию (Военно-грузинскую дорогу), связывающую Кавказский корпус непосредственно с Россией. Например, чтобы попасть в Закавказье по Военно-грузинской дороге, необходимо были формировать целые воинские обозы, продвигавшиеся под прикрытием артиллерии, казачьих и регулярных подразделений. Другим важным фактором стало то, что в данный период отмечается эскалация вооруженных восстаний практически повсеместно в регионе, направленных непосредственно против русской администрации. Именно данное обстоятельство и сыграло, по видимому, определяющую роль в решении А.П. Ермоловым строительства новой полосы укреплений на наиболее угрожаемых участках.

В соответствии со своей программой наместником был составлен последовательный и систематический план наступательных действий. Не спуская горцам ни одного грабежа, не оставляя безнаказанным ни одного набега, в то же время он, по словам А.А. Керсновского, «положил никогда не делать второго шага, не сделав первого, – не начинать решительных действий, не оборудовав предварительно их баз, не создав раньше наступательных плацдармов. Существенную часть плана составляла постройка дорог и просек, возведение укреплений (топору и заступу А.П. Ермолов отводил место наравне с ружьем) и, наконец, широкая колонизация края казаками и образование «прослоек» между враждебными России племенами путем переселения туда «преданных нам племен» [19].

Характерна в этом плане военно-политическая прозорливость А.П. Ермолова, поскольку последующее развитие событий в регионе подтвердило опасения главнокомандующего. Так, уже весной 1818 года все внимание русской военной администрации было обращено на восстание в Чечне. Осознавая значимость данного восстания, а также возможные его последствия, главнокомандующий лично возглавил экспедицию в Чечню и «рядом коротких ударов привел в повиновение всю местность между Тереком и Сунжей, построил крепость Грозную» [19]. Обезопасив аналогичным образом левый фланг со стороны Дагестана, А.П. Ермолов пошел в Аварию на Дженгутай, где в этот период также происходило восстание, возглавляемое аварским владетелем Аслан-ханом. После подавления восстания Аварское ханство вновь было приведено в подданство России, а для предупреждения аналогичных выступлений в 1819 году здесь была построена крепость Внезапная. В следующем, 1820 году Ермоловым предпринимались экспедиции в Каракайтаг, Акушу, Кази-кумык и другие районы Дагестана, расширившие зону влияния русской администрации. Постройкой в 1821 году крепости Бурной был закончен на левом фланге треугольник опорных пунктов. Обеспечив, таким образом, левый фланг, главнокомандующий обратил в 1822 году внимание на центр Кавказской линии, где постройкой новых линий и укреплений были подавлены и предотвращены последующие антироссийские вооруженные выступления в регионе.

Таким образом, непосредственно военно-политические акции А.П. Ермолова заключались в разделении горских народов на лояльных и нелояльных России (мирных и немирных – по терминологии XIX века), подавлении открытых вооруженных выступлений в регионе против России и предотвращении возможных аналогичных возмущений. Важнейшим фактором, определявшим суть его политики, явилось то, что «проконсул Кавказа» не представлял себе, что какой-то владетель отказывается в покорности императору России, власть которого была, по мнению А.П. Ермолова, более справедливой. И поэтому усилия его были направлены на ограничение суверенной власти кавказских владетелей, а там, где это было возможно, – и полное ее прекращение.

В более широком смысле свою задачу А.П. Ермолов видел в продолжении начавшегося задолго до него процесса собирания земель. Поэтому к окончанию его правления на Кавказе большинство государственных и этнотерриториальных образований Северного Кавказа находилось в полном владении Российской империи. Показательна в этой связи и стратегия Ермолова по реализации задачи утверждения власти России в регионе. «Кавказ, – говорил Ермолов, – это огромная крепость, защищаемая полумиллионным гарнизоном. Надо или штурмовать ее, или овладеть траншеями. Штурм будет стоить дорого, так поведем же осаду» [19].

Следует отметить, что вплоть до настоящего времени деятельность генерала А.П. Ермолова по реализации политики Российского государства на Кавказе неоднозначно оценивается в отечественной историографии. Спектр мнений в этом плане довольно широк: от полного неприятия до осознания значимости его деятельности по управлению Кавказом, обеспечению военно-политической стабильности и военной безопасности как в самом регионе, так и соответственно на южных рубежах России.

Вплоть до настоящего времени очевидна лишь неоднозначная, зачастую предвзято критическая оценка деятельности А.П. Ермолова. Основанием этому послужила жесткость наместника, его целенаправленность и его крайне критическое отношение к некоторым народам региона. Определенную роль сыграл и стереотип самого А.П. Ермолова как победителя, героя Отечественной войны. Видимо, во многом именно этим объясняется тот факт, что, будучи духовно близок к либеральным кругам России, на Кавказе А.П. Ермолов не проявлял либерального отношения к горцам. Сам же он свою «жесткость» в отношении народов Кавказа оценивал в письме к М.С. Воронцову следующим образом: «Все подвиги мои состоят в том, чтобы ... воспрепятствовать какому-нибудь хану по произволу его резать носы и уши, который в образе мыслей своих не допускает существования власти, если она не сопровождается истреблением и кровопролитием» [2]. А в ответ на критику официального Петербурга по данному поводу он в своих записках отмечает: «Железом и кровью создаются царства, как в муках рождается человечество» [14].

И еще на одном феномене политики А.П. Ермолова следует остановиться. Очевидно, современные его критики сознательно упускают тот факт, что, проявляя жестокость по отношению к представителям одних народов региона, наместник, тем не менее, обеспечивал безопасность и вооруженную защиту других. Именно А.П. Ермолов был наиболее последовательным среди русских высших администраторов Кавказа борцом с так называемой набеговой системой или как он сам это называл, «хищничеством». Во многом Кавказ и в целом все южные провинции России именно А.П. Ермолову были обязаны прекращением работорговли в регионе. Главнокомандующий Кавказским корпусом стремился не только обеспечить безопасность Грузии, этой новой русской провинции, но и оградить народы самого Северного Кавказа от тяжелых разбойных нападений со стороны наиболее агрессивных национальных и межнациональных формирований, неподконтрольных ничьей власти, набеговая система для которых являлась традиционной формой жизнедеятельности.

Жесткость, проявленная главнокомандующим, не позволила уже в середине 20-х годов XIX столетия разрозненным вооруженным выступлениям в регионе слиться в одно целое и тем самым уберечь народы Северного Кавказа от опустошительных войн. Это тем более важно, поскольку значительная часть антироссийских вооруженных выступлений носила ярко выраженный инспирированный характер и не отражала по своей сути интересов всего населения региона или даже какого-то определенного народа.

Неоднозначность в оценке деятельности А.П. Ермолова на Кавказе и соответственно политики России, реализуемой в процессе его наместничества, объясняется, по-видимому, также и тем, что политика России в регионе была действительно далека от европейских стандартов, тем более с точки зрения современного видения. Существенно также и то, что основные направления политики России в данный период в регионе только определялись и во многом на практике реализовывались методом «проб и ошибок». Думается, наиболее объективная оценка данной политике была дана М.А. Давыдовым, по мнению которого: «идеальная цель А.П. Ермолова состояла в том, чтобы сделать присоединенные области российскими уездами, а их жителей, прежде всего дворянство, которое, кстати, охотно принимало от русского правительства чины и звания, а также предполагавшееся при этом жалование, русскими. Достаточно сказать, что практически каждый хан состоял на службе генералом российской армии. Ближайшую же свою задачу А.П. Ермолов видел в уничтожении наиболее вопиющих проявлений азиатского деспотизма во владениях России и введение хотя бы подобия российского управления, которое считает он все же лучше того, что было раньше» [11, 78]. Реализацию этой цели наместник считал необходимой для изменения всего Кавказа. При этом главным в процессе этого он считал искоренение набеговой системы.

К этому следует добавить то, что крепости и укрепления, построенные А.П. Ермоловым в период его наместничества, во многом легли в основу появления современных населенных пунктов Северного Кавказа (среди них и такой значимый, как город Грозный был основан А.П. Ермоловым как крепость в 1818 году).

В 1827 году сменивший А.П. Ермолова на должности наместника генерал И.Ф. Паскевич, несмотря на неприятие политики предшественника, тем не менее, продолжал политику военно-силового утверждения России в регионе. Но при этом граф И.Ф. Паскевич не обладал чертами талантливого военачальника и администратора, которые были присущи А.П. Ермолову. Прежде всего, это доскональное знание Кавказа, стратегическая дальновидность, решительность в трудные периоды и готовность взять ответственность на себя. Не сумел новый главнокомандующий определиться и с приоритетами политики России в регионе, и поэтому, например, вместо того чтобы предотвратить концентрацию сил мюридов в процессе зарождения этого движения в Горном Дагестане, он основные силы Кавказского корпуса направил в Абхазию. В целом, фельдмаршал (с 1829 года) И.Ф. Паскевич был более занят южным и черноморским флангом, и поэтому им было упущено развитие негативных процессов в центре и на востоке Северо-Кавказского региона, где в этот период зарождалось мощное радикальное антироссийское движение мюридизма и происходила трансформация отдельных вооруженных

выступлений в регионе в одну из наиболее крупномасштабных и продолжительных войн России – Кавказскую. И хотя взятие Карачая в 1828 году и начало строительства Военно-сухумской дороги были значимыми для России, тем не менее, уход основных сил Кавказского корпуса с Центрального и Восточного Кавказа был неоправданным. На практике это дало возможность восставшим горцам не только захватить верные России Аварское ханство и Тарковский шамхалат, но и распространить свое влияние на значительную часть Горного Дагестана и Чечни. В конечном итоге уже к 1832 году большинство территорий Северо-Восточного Кавказа были не подконтрольны власти русской администрации.

Весьма своеобразно понимал фельдмаршал И.Ф. Паскевич и планы развития Кавказа, в котором он видел лишь военно-оборонительный рубеж Российской империи. Поэтому военно-политический аспект для него являлся главенствующим в политике России в регионе. В частности, например, именно ему принадлежит разработка проекта заселения свободной «за Алазанью земли русскими переселенцами с тем, чтобы образовать из них новое линейное казачье войско, которое укрепило бы за нами наши приобретения» [29]. Суть проекта заключалась в создании санитарного кордона (буферной зоны), разделяющего собственно российские провинции, в том числе и Грузию, от территорий, контролировавшихся горцами. Таким образом, по планам И.Ф. Паскевича горцы Северо-Восточного Кавказа искусственно вычленились из единого территориального и этнополитического российского пространства. Это неминуемо противопоставляло их России и соответственно в последующем грозило вооруженными столкновениями с населением региона. В то же время данный военно-политический «буфер» не решал в полной мере военно-политические, экономические, социальные или какие-либо иные проблемы как региона, так и самой России.

Все эти нерешенные проблемы были оставлены его преемнику генералу Г.В. Розену, с 1832 года назначенному наместником на Кавказе и одновременно главнокомандующим Кавказским корпусом. Среди них была важнейшая и наиболее острая необходимость подавления вооруженного выступления движения мюридизма, принявшего по своим масштабам общекавказский характер. Следует определить, что само движение к тому времени обрело не только значительные территориальные и материальные ресурсы. Ошибки русской администрации, а также злоупотребления местных чиновников в ряде регионов, привлекло на сторону мюридов значительное число сторонников. К 1832 году практически повсеместно в Дагестане и Чечне, а также в ряде регионов центрального Кавказа была установлена власть мюридов, и только тогда русской военной администрацией была осознана вся значимость и негативные последствия для России данного движения. Первое крупное вооруженное столкновение русских войск с горцами Гази-Мухаммеда произошло 17 октября 1832 года в селении Гимры, в результате осады и взятия которого горцам было нанесено ощутимое военное поражение. Но окончательной победы над движением достигнуто не было. В последующем буквально для всех главнокомандующих Кавказским корпусом проблема «замирения горцев» была первостепенной важности. Именно на этом строилась вся военная политика России вплоть до 60-х годов XIX столетия.

В целом же, характеризуя политику утверждения России в регионе, можно отметить непоследовательность и половинчатость важнейших военно-политических акций русской администрации, ориентированных лишь на достижение военной победы над горцами. В полной мере в селениях региона вследствие этого проводилась оккупационная политика, отношение с населением строилось не как с подданными Российской империи, а как с побежденными. Сама же военно-политическая обстановка в регионе приняла характер эпизодических набегов и их отражения, чередуясь с состоянием «ни мира, ни войны».

Таким образом, политика русской военной администрации при общей ее стратегической направленности на утверждение позиций на Кавказе была насыщена издержками управления на уровне местной администрации, характеризовалась непоследовательностью, фрагментарностью, а также преобладанием военно-силовых методов в ущерб политическим и социально-экономическим.

Особое место в реализации целей и задач политики России на Кавказе занимает деятельность в качестве наместника на Кавказе генерала Н.Н. Муравьева, явившаяся исключением из устоявшейся практики колонизации и покорения Кавказа. Н.Н. Муравьев изначально не был согласен с политикой колонизации региона, проводившейся как центральной властью, так и местной администрацией. Не принимая военно-силовой подход к решению проблем народов региона, генерал Н.Н. Муравьев считал целесообразным использование экономических, а не военных мер. В основе его политики по отношению к горцам Кавказа лежало стремление привлечь их к торгово-экономической деятельности. Следует отметить, что к этому времени импульс мюридизма уже угасал, сам имамат переживал кризис, и поэтому Шамиль, являясь его духовным, военным и политическим лидером, был, безусловно, сам заинтересован в благоприятной развязке войны с Россией. Это в значительной степени облегчало задачу наместника. Особую роль в процессе урегулирования военно-политической обстановки в регионе сыграли неофициальные отношения главнокомандующего с Джемал-Эддином (старшим сыном Шамиля, являвшимся одно время поручиком Владимирского гусарского полка, которым командовал Н.Н. Муравьев).

Политика стабилизации нового главнокомандующего оправдывалась также и тем, что Кавказ, будучи одним из важнейших стратегических направлений, в ходе Крымской войны не был в полной мере использован союзниками по антироссийской коалиции. Итогом дипломатических усилий Н.Н. Муравьева явилось то, что Кавказскому корпусу, задействованному в военных действиях против Турции в Мингрелии и на карском направлении, не пришлось воевать также и против горцев. Но, пожалуй, самым важным итогом политики Н.Н. Муравьева явилось то, что был сбит импульс вооруженной активности самих горцев, уставших от затянувшейся войны с Россией и начавших отходить от радикального движения. Ко второй половине 50-х годов XIX столетия Кавказ перестал представлять собой наиболее кризисный и взрывоопасный регион. Были созданы предпосылки для мирного разрешения «кавказского кризиса» России.

И, тем не менее, планам Н.Н. Муравьева в отношении привлечения горцев к мирному существованию с Россией и развитию торговых и политических отношений с ними не суждено было сбыться. Смерть Николая I означала очередной крупный поворот в политике России, в том числе и на Кавказе. Генерал-адъютант Н.Н. Муравьев был отстранен от командования Кавказским корпусом и наместничества на Кавказе. Замена его на этих должностях князем А.И. Барятинским знаменовала возврат к политике жесткого военно-силового подавления сопротивления горцев. Для высшего руководства России, потерпевшей поражение в Крымской войне, эта победа была необходима в качестве значимого морального фактора, и таким образом военная мощь государства была брошена на подавление уже угасавшего северокавказского движения сопротивления.

Исследование политики России на Кавказе было бы не полным без рассмотрения места и роли, специфики и состава ее военной организации в реализации данной политики в регионе.

Комплексность и значимость задач требовали от Российского государства сосредоточения больших усилий и прежде всего в военной области, в использовании на Кавказе мощной военной группировки. Поэтому уже в 1816 году расположенные на Кавказе войска были сведены в отдельный Кавказский корпус, главнокомандующим которого был назначен генерал А.П. Ермолов. На всем протяжении столетия численность Кавказского корпуса неуклонно увеличивалась. Если, например, в начале XIX века он насчитывал около 17 тыс. человек, в 1819 году – 50 тыс. солдат и офицеров (помимо 40-тысячного Черноморского казачьего войска), то к 1859 году численность Отдельного Кавказского корпуса, ранее преобразованного в Кавказскую армию, была доведена до 270 тыс. солдат и офицеров. Практически аналогичные цифры приводит известный советский кавказовед С.К. Бушуев, по данным которого к середине 40-х годов у главнокомандующего Кавказским корпусом М.С. Воронцова было уже более 250 тыс. человек [9, 138]. Другой отечественный исследователь Кавказа А.В. Фадеев считал, что Кавказская армия к концу 50-х годов имела более 200 тыс. штыков и сабель [31, 140]. Приводя эти цифры, исследователи кавказской политики не учитывают, по крайней мере, тот факт, что данное ко-

личество войск было расквартировано практически по всему Кавказу, прикрывало русско-турецкую и русско-персидскую границы в Закавказье, кавказские оборонительные линии и кордоны на Северном Кавказе и т.д. Значительная часть войск постоянно находилась в походах. Непосредственно же в боевых действиях, в частности, против горцев Дагестана и Чечни, как правило, участвовало не более 10 тыс. человек. Сам же А.П.Ермолов в письме к графу М.С. Воронцову по этому поводу вспоминал: «У меня во все время только один раз, при занятии Акушинской области, могло собраться семь тысяч человек, присланных на укомплектование корпуса; после того и до конца самое большое число войск не превосходило шести батальонов пехоты и до четырехсот казаков, иногда и того менее» [36, 35].

Специфика самого Кавказского корпуса заключалась изначально в том, что он формировался в основном офицерами и генералами, представителями «суворовской школы», к числу которых относились генералы П.Д. Цицианов, П.С. Котляревский и сам А.П. Ермолов. В период их командования корпусом, русские войска на Кавказе, как правило, меньшим количеством успешно вели боевые действия против превосходящего противника. В этих условиях очень многие русские военачальники получали практику непосредственно в ходе войн на Кавказе. Среди них, например, такие известные как, Н.Н. Муравьев-Карсский, Д.А. Милютин (в последующем военный министр России), А.И. Барятинский и др.

Кавказ, таким образом, становился для Русской Армии испытательным полигоном, где совершенствовались формы и методы вооруженной борьбы, тактика действий и управление войсками. О важности войсковой подготовки на Кавказе свидетельствует, например, тот факт, что даже наследник престола – царевич Александр Николаевич (в последующем император Александр II) проходил военную подготовку также непосредственно на Кавказском театре военных действий при штабе главнокомандующего Кавказским корпусом.

Другой отличительной чертой корпуса являлось то, что, начиная с середины 20-х годов XIX столетия (с восстания декабристов), Кавказ стал местом ссылки неугодных и нелояльных по отношению к русскому самодержавию офицеров. Вследствие этого за Кавказом прочно закрепилось название «теплая Сибирь», а за самим корпусом – слава наиболее боеспособной и в то же время ненадежной для самодержавия военной группировки, которую необходимо было держать как можно дальше от столицы и использовать непосредственно по назначению. Это особенно проявилось в ходе декабрьского восстания 1825 года, когда взоры всей России были обращены на Кавказ с вопросом: двинет или нет Ермолов корпус на помощь восставшим. Сам же Ермолов удостоился личного внимания Николая I, выразившего свое отношение к главнокомандующему Кавказским корпусом словами: «Ему... менее всего верю» [11, 37]. В то же время удаленность Кавказского корпуса от центра столицы и непрерывное участие его в войнах и вооруженных конфликтах в регионе уберегло его от казенного реформаторства А.А. Аракчеева и самого Николая I. В силу этого Кавказский корпус оставался самой боеспособной военной структурой России на протяжении всего XIX века, одерживая военные победы даже тогда, когда само государство проигрывало войну. Как это было, например, в ходе Крымской войны, когда взятие неприступной турецкой крепости Карс и разгром турецкого экспедиционного корпуса в Мингрелии во многом смягчили условия поражения России в войне. Не менее существенным вкладом явились действия уже Кавказской армии в ходе следующей русско-турецкой войны (1877 – 1878 годов), повторное взятие Карса и Эрзерума, в ходе которых предreshился исход войны. Таким образом, сам Кавказский корпус, являясь инструментом военной политики России в регионе, во многом формировал условия ее реализации.

Особое место в проведении политики России на Кавказе занимало казачество как феномен российской истории. Закономерно, что его наибольшая концентрация имела место именно на кавказском направлении, что свидетельствовало не только об историческом предназначении казачества как передовой силы колонизации Россией ее окраинных земель, но и о целенаправленной политике государства в этом вопросе.

По свидетельству, например, И.С. Кравцова, «мысль о заселении Кавказа ... восходит к царствованию И. Грозного. Первоначально поселены были в двух городках стрельцы и казаки (го-

родовые и вольные), потомки которых составили Кизляр-Гребенский полк. При Петре Великом занята была на реке Сунжа крепость Св. Креста, а в двух городках которой проживало уже 1000 семейств донских казаков. При Анне Иоанновне все казачье население было сведено на левый берег Терека, где и были поселены в новопостроенной крепости Кизляр и пяти прилегающих к нему станицах. В царствование Екатерины II заселение Кавказа казачеством приобрело громадные размеры» [21, 15]. Для осуществления колонизации по решению Екатерины из депортированных с Запорожской Сечи на Таманский полуостров казаков было образовано Черноморское, ставшее впоследствии Кубанским, казачье войско, численность которого доходила до 40 тыс. человек.

В первой половине XIX века в кавказской политике вновь проблема казачества актуализировалась. Принявший после генерала А.П. Ермолова Кавказское наместничество граф И.Ф. Паскевич попытался данную проблему разрешить посредством создания буферной зоны, что было своего рода возвращением к политике предшествующего наместника или ее интерпретацией.

Разница заключалась лишь в средствах и перспективах реализации, но в целом ее механизм соответствовал предшествовавшей вооруженной колонизации. Недостаток земли, события, связанные с Кавказской войной, следовавшие затем внутривнутриполитические кризисы в самой Российской империи и, наконец, военно-политическая экспансия и освоение Россией Средней Азии не представляли возможным реализовать его проект в данный период. Но уже в 1832 году по указу Николая I было образовано Кавказское линейное казачье войско, предназначавшееся для охраны кавказских укрепленных линий. В его состав вошли 5 старинных казачьих полков (Кизлярский, Терско-семейный, Гребенский, Моздокский и Горский), дислоцировавшихся на Северном Кавказе от устья реки Терек до г. Моздок, кроме того, 5 казачьих полков Азовско-Моздокской линии (Волгский, Кавказский, Кубанский, Ставропольский, Хоперский). В Кавказское линейное казачье войско в последующем также входили Сунженский (сформированный в 1817 году), 1-й и 2-й Владикавказские (образованы в 1831 году), Лабинский (образован в 1840 году из Кизлярского и Терского полков), Урупский (1850 год) казачьи полки.

Кавказское линейное казачье войско вместе с Кубанским казачьим войском разместились в укреплениях и крепостях до устья Кубани и действовало в составе Отдельного Кавказского корпуса против выступлений горцев Чечни, Дагестана и Северо-Западного Кавказа. В 1845 году было разработано положение о Кавказском линейном казачьем войске, согласно которому оно должно было выступать для несения кордонной (пограничной) службы и для участия в боевых действиях 17 конных полков. В 1846 году была введена бригадная система, и к 1860 году Кавказское линейное казачье войско состояло из 9 бригад, 4 отдельных полков и 2 пеших батальонов. В 1860 году из одной части Кавказского линейного казачьего войска было образовано Терское казачье войско, а другая часть вместе с Черноморским казачьим войском вошла в состав вновь образованного Кубанского казачьего войска [15].

Политическое господство в регионе требовало закрепления России во всех других сферах жизнедеятельности, прежде всего, ее экономического доминирования в регионе. Реальная возможность этого появилась лишь во второй половине XIX века, с окончанием военных действий против горцев Дагестана и Чечни. Только тогда стало реальным освоение или же колонизация Южного Кавказа, спецификой которой была традиционно военно-политическая направленность, т.е. создание казачьих поселений.

В течение всего XIX столетия казачество на Кавказе являлось важнейшим инструментом и фактором военной российской политики, особенно в части, касающейся колонизации вновь приобретенных провинций. Функции кавказского казачества значительно отличались от роли и значения Донского и других казачьих образований. Соответственно отличалась и специфика их деятельности, вооруженной борьбы. Они должны были оградить Кавказ и в целом южные провинции России от угроз, исходивших как со стороны Турции, так и кавказских государственных и этноконфессиональных структур, проводивших враждебную по отношению к России политику. С другой стороны, важнейшей задачей казачества являлось обеспечение военно-

политической экспансии самой России в регионе. Наиболее четко эта функция была определена в рескрипте Александра II от 21 июня 1861 года на имя наказного атамана Кубанского казачьего войска генерал-адъютанта графа Н.И. Евдокимова, в котором было указано место и роль казачества в проводимой им экспансионистской политике: «Казачье сословие предназначено в государственном быту для того, чтобы оберегать границы Империи, прилегающие к враждебным и неблагоустроенным племенам» [28, 82]. В документе определялась также и другая важнейшая функция казачества, формировавшаяся объективно. Дело в том, что казачество, скрепленное военными, экономическими и даже родственными узами с местным населением Кавказа, служило естественным буфером и одновременно его связывающим звеном с Россией.

Кавказское казачество, таким образом, существенно дополняло военную группировку России, способствуя реализации важнейших военно-политических акций, придавая им устойчивый и долговременный характер.

В то же время специфика Северного Кавказа, театр военного действия в регионе и наличие постоянной военной угрозы южным провинциям России с данного направления предполагали реализацию долговременной оборонительной политики. Поэтому вполне закономерным феноменом Кавказской политики явилось создание системы кордонных (пограничных) укреплений русских войск на Кавказе [12]. Речь идет о так называемых Кавказских укреплённых линиях, созданных по указанию Петра I. По своей сути и предназначению они соответствовали Великой Китайской стене, линии Мажино и другим аналогичным оборонительным сооружениям. К этому располагал горный ландшафт и сильно пересеченная местность региона, перекрыв ключевые пункты которой можно было держать под контролем значительные участки местности.

Особое значение Кавказские укреплённые линии приобрели в период управления Кавказом генералом А.П. Ермоловым. Функции их были значительно расширены, им придавалось уже не только оборонительное значение. Линии непосредственно использовались в качестве опорной базы для проведения осадных военно-политических акций по отношению к непокорному русской администрации местному населению. «Кавказ, – по словам Ермолова, – представляет собой крепость». В ходе его управления регионом Кавказ действительно стал представлять собой крепость, но уже не горцев против России, а самой России в войне с горцами. Первым таким «укреплением» стала крепость с символическим названием Преградный стан. Но еще большее значение в укреплении позиций России на Северном Кавказе приобрело основание в 1818 году крепости Грозная, которая связывалась рядом укреплений с Владикавказом. В последующем Кавказские укреплённые линии сыграли исключительно важную роль в ходе Кавказской войны России с горцами Шамиля, воспрепятствовав созданию единого антироссийского фронта вооруженных выступлений на Северо-Восточном и Северо-Западном Кавказе. Все это было направлено на реализацию национально-государственных интересов России.

Выводы

С присоединением Кавказа была не только ликвидирована военная угроза, на протяжении столетий исходившая от Турции и подвластного ей Крымского ханства, но и ликвидирован источник работорговли, являвшийся прямым следствием распространенной в регионе набеговой системы жизни горцев. Все это имело по-настоящему цивилизационное значение не только для России, но и для всех народов, населяющих Кавказ. Характерно, что особую роль России в регионе признавали даже самые непримиримые ее противники, каковыми по праву следует считать основоположников научного коммунизма. Так, в частности, по словам Ф.Энгельса, «...Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку. Несмотря на всю свою подлость и славянскую грязь, господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар» [24, 241]. В этих словах, несмотря на все неприятие политики России и откровенную ненависть к ней, тем не менее, заключена вынужденная оценка политики России на Кавказе и ее отношений с народами региона.

С точки зрения экономических интересов Российского государства, присоединение Кавказа, очевидно, было не менее значимым, чем присоединение Сибири в период царствования

Ивана Грозного. Освоение данного региона открывало перед Россией перспективы закрепления ее на Черноморском и Каспийском побережьях и свободного выхода русской торговли на центрально-азиатские и средиземноморские рынки.

В области военно-стратегических интересов достигалось не только предотвращение угроз военной безопасности с данного направления, но и был завоеван выгодный стратегический плацдарм для дальнейшего продвижения России в Переднюю и Центральную Азию.

Внешнеполитический аспект интересов России предполагал аннексию иранских и турецких территориальных владений в Закавказье и оформление границ Российской империи в данном регионе. А.А. Корнилов, историк России XIX века, охарактеризовал проводившуюся политику как процесс формирования и укрепления государственной территории [22].

Внутриполитический аспект военно-политических интересов России в Закавказье был направлен на стабилизацию в регионе и в целом в Российской империи политической обстановки посредством активного использования военной организации государства, вовлечения под ее контроль субъектов политики нелояльных режиму, потенциальных «дестабилизаторов» общества или, по определению Л.Н. Гумилева, «пассионариев».

Во второй половине XIX века во всем Кавказском регионе утвердилась военно-административная власть России. Задача, поставленная Александром I в начале века – стоять на Кавказе твердо, – к данному времени была реализована.

Библиография

1. Акты Кавказской археографической комиссии. Т. VI. С. 2.
2. Архив князя Воронцова. Т. 36. С. 183-184.
3. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 77: Сношения России с Персией. Оп. 77/1, 1722. Д. 2.
4. Бочарников И.В. Современные тенденции развития международного терроризма // Конфликтология / nota bene. 2016. № 1. С. 52-61.
5. Бочарников И.В. Борьба с терроризмом: между молотом и наковальней? // Власть. 2004. № 12. С. 15-22.
6. Бочарников И.В. Острые грани современной мировой политики // Вестник МГИМО Университета. 2018. № 3 (60). С. 198-209.
7. Бузурганов М.О., Виноградов В.Б., Умаров С.Д. Навеки вместе. Грозный, 1981.
8. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1830 гг. СПб., 1869. Ч. 1. С. 23.
9. Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Л.: Изд-во АН СССР, 1939.
10. Гаджиев В.Г. Байбулатов Н.К., Блиев М.М. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России // История СССР. 1980. №5. С.48-63;
11. Давыдов М.А. Оппозиция его величества: Дворянство и реформы в начале XIX века. М., 1994.
12. Дебу И.Л. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или Общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседних горских народах: 1816-1826. Репринтное издание 1829 г. СПб.: Альфарет, 2012.
13. Записки Алексея Петровича Ермолова во время управления Грузией. URL: <http://ermolov.org.ru/book/zapisgruz.htm>.
14. Записки А.П. Ермолова. 1798 – 1826. М., 1991.
15. Заседателяева Л.Б. Терские казаки середины XVII – начала XX в. М., 1974.
16. Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948 – 1954 гг. В 2 т. М., 1992. Т. 1. С.257.

17. Ибрагимбейли Х.М. Народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа под руководством Шамиля // Вопросы истории. 1990. № 6. С. 156; Шамилев С.М. Указ. соч. С.36.
18. Исторический очерк распространения и устройства русского владычества над Кавказом и в Закавказье. Кавказ, 1850. Л. 13.
19. Керсновский А.А. История русской армии: В 4-х томах. М.: Голос, 1993. Т.2.
20. Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII – 80-е годы XIX века. М.: Изд-во МГУ, 1934.
21. Кравцов Н.С. Кавказ и его военачальники: Н.Н. Муравьев, кн. А.И. Барятинский и гр. Н.И. Евдокимов 1854 – 1864 гг. СПб., 1886. С.15.
22. Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М.: Высшая школа, 1993.
23. Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М.: Наука, 1966.
24. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 27. С. 241.
25. Общая теория безопасности / Под ред. А.И.Позднякова. М.: ВА ГШ, 1994. С. 298.
26. Потто В.А. Кавказская война. Т.2. URL: <http://www.hekupsa.com/istoriya/knigi/istoriya-russko-kavkazskoy-voyni/v-potto-kavkazskaya-vojna-t-2/view>.
27. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сб. документов / Под ред. В.Г. Гаджиева и др. М.: Наука, 1988. С.16.
28. Попов В.В. Национальная политика Российского государства. М.: ВУ, 1996.
29. Потто В.А. Кавказская война. Т.2. // <http://www.hekupsa.com/istoriya/knigi/istoriya-russko-kavkazskoy-voyni/v-potto-kavkazskaya-vojna-t-2/view>.
30. Фадеев Р.А. Письма с Кавказа редактору Московских ведомостей. СПб., 1865.
31. Фадеев А.В. Экономические связи Северного Кавказа с Россией в дореволюционный период // История СССР. 1957. №1. С. 140.
32. Чавчавадзе И.Г. Сто лет назад // Иверия. 1896, 26 ноября.
33. ЦГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 6. Л. 275.
34. ЦГАДА. ф. 23, оп. 1, д. 13, ч. 6, л. 275.
35. ЦГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 411. Л. 7-15.
36. Экшут С. Алексей Ермолов // Родина. 1994. №3-4. С. 35.
37. Юзефович Т.А. Договоры России с Востоком: политические и торговые СПб., 1869.

APPROVAL OF RUSSIA IN THE CAUCASUS IN THE XIX CENTURY

DOI: 10.25629/HC.2021.07.01

Bocharnikov I.V.

Moscow State Technical University named after N.E. Bauman

Abstract. The article describes the political processes associated with the establishment of Russia in the Caucasus. The annexation of Eastern Georgia (Kartli and Kakheti) was the culmination of Russia's Caucasian policy. This event complicated Russia's relations both with the regional powers of that time - Iran and Turkey, whose possessions were Georgia and the entire Transcaucasus, and with the highlanders of the North Caucasus, for whom Georgia was a traditional target of raids. This led to two Russian-Turkish and two Russian-Persian wars, as well as the longest war in the history of Russia - the Caucasian one. As a result of the wars with Turkey and Iran, Russia included the territories of Eastern and Western Georgia, the Azerbaijani khanates, as well as Eastern Armenia. The assertion of Russia's position in the Caucasus took on the character of a state policy. The article reveals the activities of the highest officials of the Russian Empire authorized to implement state policy in the region. This process took place most purposefully during the governorship in the Caucasus of General A.P. Ermolova. It was during the period of his command of the Caucasian Corps that Russia's policy in the region acquired a qualitatively new content, and a further perspective was outlined in the development of Russian-Caucasian relations. The main directions of the development of the military organization of Russia in the Caucasus, as well as the formation and development of the Caucasian Cossacks as the main force for ensuring the security of Russian settlements in the region and the development of Russian-Caucasian relations are analyzed.

Key words: Caucasus, Caucasian policy, military-political expansion, relations between Russia and Caucasian peoples, Caucasian corps, A.P. Ermolov, Russia's approval in the Caucasus.